Materiallar to'plami · Conference Proceedings
"ZAMONAVIY TADQIQOTLAR VA BARQAROR RIVOJLANISH" respublika ilmiy-amaliy konferensiyasi
04 August 2026
UDK 94
IJTIMOIY-GUMANITAR FANLAR

РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОТНОШЕНИИ ДВИЖЕНИЯ ДЖИТЫМ-ХАНА (ЕТИМ-ХАНА) В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ (1876–1879 ГГ.): ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

ХИЛОЛАХОН ПАРВОЗБЕК КИЗИ ХАКИМЖОНОВА*
преподаватель кафедры «История Узбекистана» Андижанский государственный университет
✉ xakimjonovaxilola94@adu.uz

АННОТАЦИЯ

В статье на основе архивных документов Государственного архива Республики Узбекистан и современной историографии исследуется движение Джитым-хана (Етим-хана) как одна из форм антиколониального сопротивления населения Ферганской долины после ликвидации Кокандского ханства. Анализируются особенности репрессивной политики Российской империи, включая публичные казни, коллективную ответственность, психологическое устрашение и информационный контроль. Сделан вывод о том, что официальная трактовка движения как «разбойничества» не соответствует содержанию архивных источников, свидетельствующих о его политическом характере.

Ключевые слова

Джитым-хан, Етим-хан, Ферганская долина, Российская империя, колониальная политика, репрессивная политика, Туркестан, архивные документы, антиколониальное сопротивление, Кокандское ханство.

DOI: 10.5281/zenodo.21743694

Введение.

Во второй половине XIX в. колониальная политика Российской империи в Туркестане сопровождалась не только военным завоеванием, но и формированием специфической системы исторического дискурса, в рамках которого вооружённые выступления местного населения зачастую интерпретировались исключительно как проявления «разбойничества». В этой связи особое значение приобретает проблема объективности исторического знания, поскольку реконструкция исторических событий во многом зависит от характера источников, методологии исследования и критического анализа историка. Как справедливо отмечают Н. М. Худойоров и С. С. Рўзибоев, достижение абсолютной объективности в историческом познании невозможно без всестороннего анализа источников и применения критического подхода к их интерпретации [11, с. 447–448]. В этой связи особую ценность приобретают архивные документы, позволяющие переосмыслить характер движения Джитым-хана и механизмов репрессивной политики Российской империи в Ферганской области.

Основная часть. После ликвидации Кокандского ханства в 1876 г. Ферганская долина стала одним из важнейших центров сопротивления российской колониальной администрации. Создание Туркестанского генерал-губернаторства сопровождалось введением военно-административной системы управления, ориентированной на подавление любых форм политического сопротивления местного населения. Современные исследователи рассматривают присоединение Туркестана не только как военное завоевание, но и как процесс формирования колониальной модели власти, основанной на сочетании административного контроля и репрессивных методов управления [4, с. 12; 10, p. 56].

Одним из наиболее значительных проявлений антиколониального сопротивления стало движение Джитым-хана (Етим-хана). В дореволюционной историографии оно обычно характеризовалось как деятельность «разбойничьей шайки», однако архивные документы свидетельствуют о значительно более сложном характере этого выступления. По мнению А. Моррисона, российская армия в Туркестане одновременно выполняла функции военной, административной и судебной власти, что являлось характерной особенностью имперской колониальной системы [5, p. 273].

Особый интерес представляет рапорт полковника Я. Градекова от 8 октября 1879 г. Первоначально он называл Джитым-хана «простым разбойником», однако после изучения обстоятельств движения отказался от подобной оценки, признав политическую направленность его деятельности. В документе отмечается, что действия Джитым-хана отличались продуманностью, а распространение движения могло создать серьёзную угрозу российской администрации, особенно в районе Андижана [2, л. 21–25].

Архивные материалы показывают, что движение преследовало не только военные, но и политические цели. Во время пребывания в Джалал-Абаде сторонники Джитым-хана провозглашали восстановление ханской власти, организовывали молитвы за нового хана, обещали населению освобождение от налогов и повинностей, объявляли газават и формировали собственную систему управления. Назначение удайчи фактически означало создание первых элементов альтернативной государственной администрации [2, л. 21–25]. Подобные действия свидетельствуют, что движение являлось попыткой восстановления традиционных политических институтов, разрушенных после ликвидации Кокандского ханства [9, с. 112].

Важнейшим элементом колониальной политики являлось применение демонстративного насилия. Согласно архивному рапорту, после вынесения смертного приговора захваченные участники движения были публично расстреляны на базарной площади Узгена в присутствии большого количества жителей. Перед казнью населению официально объявили, что подобная участь ожидает каждого, кто выступит против российской власти. Тела казнённых оставались на площади в течение семи суток, а автор рапорта специально отмечал сильный психологический эффект этой акции [1, л. 13–14]. Подобная практика полностью соответствовала колониальной политике устрашения, применявшейся европейскими империями во второй половине XIX века [5, p. 285].

Репрессии не ограничивались физическим уничтожением участников движения. Российская администрация стремилась разрушить его социальную основу посредством коллективной ответственности. В донесении Градекова предлагалось наложить контрибуцию на населённые пункты, жители которых оказывали помощь Джитым-хану, независимо от степени их участия в вооружённом выступлении [2, л. 21–25]. Использование подобных мер полностью соответствовало практике российского военно-народного управления в Туркестане [4, с. 96].

Важным направлением деятельности администрации являлся контроль над информационным пространством. Несмотря на признание организованного характера движения, официальные документы продолжали называть его участников исключительно «разбойниками». Тем самым колониальная власть стремилась представить сопротивление как уголовное преступление, а не как политическое движение. Вместе с тем сами документы свидетельствуют об обратном: наличие политической программы, системы управления, религиозной легитимации и широкой социальной поддержки не позволяет рассматривать движение исключительно как разбойничество [2, л. 21–25].

Существенный интерес представляет также отношение различных социальных групп к выступлению. По наблюдениям Градекова, наиболее активную поддержку Джитым-хану оказывали киргизские общины, тогда как значительная часть оседлого населения занимала выжидательную позицию. Однако даже российские чиновники признавали, что причиной отказа многих жителей вступить в движение являлось не отсутствие сочувствия, а сомнение в возможности его победы [2, л. 21–25]. Это свидетельствует о наличии значительно более широкой социальной базы сопротивления, чем признавалось официальной администрацией [4, с. 220].

Особое значение имеет рапорт военного губернатора Ферганской области от 13 июля 1878 г., в

котором содержится ходатайство о награждении лиц, принимавших участие в поимке Джитым-хана [3]. Сам факт подготовки подобных представлений показывает, что ликвидация движения рассматривалась российскими властями как событие государственного значения, а успешное проведение карательной операции поощрялось на официальном уровне.

Дореволюционная историография в целом воспроизводила официальную точку зрения имперской администрации. Так, М. А. Терентьев объяснял вооружённые выступления прежде всего необходимостью восстановления порядка и укрепления российского господства в регионе [6, с. 314]. Аналогичный подход прослеживается и в работе Л. Ф. Костенко, рассматривавшего продвижение России как процесс распространения гражданского управления и государственной власти [7, с. 186]. Вместе с тем современные исследования демонстрируют, что подобные оценки отражали прежде всего идеологию колониальной администрации, а не реальные причины сопротивления местного населения [8, с. 40].

Таким образом, анализ архивных документов и сопоставление их с дореволюционной и современной историографией позволяют сделать вывод, что движение Джитым-хана являлось одной из наиболее значительных форм антиколониального сопротивления в первые годы после ликвидации Кокандского ханства. Репрессивная политика Российской империи основывалась на сочетании публичных казней, коллективной ответственности, психологического устрашения, административного контроля и информационной дискредитации участников движения. Вместе с тем сами архивные документы показывают внутреннее противоречие колониального дискурса: официально называя Джитым-хана «разбойником», представители российской администрации были вынуждены признавать его политическим лидером, пользовавшимся поддержкой части населения Ферганской долины [1, л. 13–14; 2, л. 21–25].

Заключение.

Проведённое исследование показало, что движение Джитым-хана являлось не обычным проявлением разбойничества, а одной из ранних форм антиколониального сопротивления населения Ферганской долины после ликвидации Кокандского ханства. Архивные документы позволяют установить, что Российская империя использовала комплекс репрессивных мер, включавший публичные казни, коллективную ответственность и психологическое воздействие на население. Сопоставление архивных материалов с дореволюционной и современной историографией свидетельствует о необходимости переосмысления традиционных оценок движения Джитым-хана и более объективного освещения колониальной политики Российской империи в Туркестане.

Список использованных источников и литературы

1. *Государственный архив Республики Узбекистан* (ГА РУз). Ф. И-19. Оп. 1. Д. 10340. Л. 13–14.
2. *Государственный архив Республики Узбекистан* (ГА РУз). Ф. И-19. Оп. 1. Д. 10340. Л. 21–25.
3. *Государственный архив Республики Узбекистан* (ГА РУз). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 408.
4. *Абашин С. Н., Бабаджанов Б. М., Котюкова Т. В., Махмудов О. А.* Туркестан в имперской политике России: Монография в документах. – Москва : Кучково поле, 2016. – 688 с.
5. *Morrison A. S.* The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914. – Cambridge : Cambridge University Press, 2021. – 641 p.
6. *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. Т. 3. – Санкт-Петербург : Военная типография, 1906. – 510 с.
7. *Костенко Л. Ф.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. – Санкт-Петербург : Типография В. Безобразова, 1871. – 436 с.
8. *Шолохов А. Б.* Общественно-политические взгляды М. Д. Скобелева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2014. – № 2. – С. 37–48.
9. *Абдурахимова Н. А., Эргашев Ф. А.* Царская колониальная система власти в Туркестане // История Узбекистана: новые подходы и исследования. – Ташкент : Фан, 1989. – С. 102–128.
10. *Brower D.* Turkestan and the Fate of the Russian Empire. – London ; New York : Routledge, 2003. –

240 p.

11. *Xudoyorov N. M., Ro‘ziboyev S. S.* Tarixiy bilimda haqqoniylik va ob’ektivlik muammosi // O‘zbekiston Milliy universiteti Tarix fakulteti 90 yoshda: ta’lim va ilm-fan markazi: xalqaro ilmiy-amaliy anjuman materiallari to‘plami. – Toshkent, 2025. – B. 447–449.